

УДК 1(091)+122+14+16

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-72-80

НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 1)

Колесниченко Ю.В.

Институт деловых коммуникаций

125323, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья начинает изучение метафизической основы шпетовского знания. Обозначенная проблема, не получившая до настоящего времени своего решения в отечественной историко-философской литературе, является одной из ключевых в определении принадлежности философии выдающегося мыслителя Г.Г. Шпета к русской философской традиции. Результаты исследования материалов обширной базы источников, а также применение герменевтической техники исследования, использование исторического, аналитического, синхронического, диахронического, идеографического и номотетического методов, некоторых приёмов психолингвистического анализа дают возможность причислить философа Шпета к поколению отечественных философов, имевших глубинной (неявленной) основой своего творчества субстанциональное единое – личность, понимаемую как личностность, как основу онтического, конкретного бытия.

Ключевые слова: философия Шпета, личность, личностность, онтическое бытие, субстанциональность, метафизика, феноменология, герменевтика, социальная психология, затекст.

THE UNMANIFESTED SUBSTANTIALITY OF G. SPET'S PHILOSOPHY (PART 1)

Yu. Kolesnichenko

Institute of Business Communications

4, Pudovkina st., Moscow, 125323, Russian Federation

Abstract. The article is an approach to solving an important historical and philosophical problem of defining the specifics of G. Spet's metaphysics. So far the problem has not been elaborated enough in the national philosophical literature, though it seems to be essential in maintaining the affiliation of Spet's philosophy with the Russian philosophical tradition. Based on vast historical data and accomplished with historical, hermeneutical, analytical, ideographical, nomothetical research methods and some psycholinguistic techniques ("off/text-concept" definition) the study allowed the author to associate G. Spet with other Russian philosophers of the 1920–1930-s and to qualify his philosophy as deeply centered on an unmanifested concept of the substantiality of *litchnost* (taken as *litchnostnost*) – the basis for the ontic concrete Being.

Key words: G. Spet, litchnost, litchnostnost, ontic Being, substantiality, metaphysics, phenomenology, hermeneutics, social psychology, off-text.

Новое видение личности в гуманитарном знании первой трети XX столетия есть новое видение бытия, основанное на выходе за пределы когнитивной логики, в мир реального субъекта с его ситуативно-герменевтической логикой. Не наблюдение личностью субъектно-объектных отношений со стороны, но погруженность бытия в личность и личность как источник этого субъектно-объектного бытия становятся основными предметами научного интереса.

В указанный период «личность» в русской философии ещё совершенно не есть то, чем / как она видится современной российской (в значительной степени всё ещё марксистской, что касается методологических приёмов и объёмов традиционных философских понятий) мыслительной традиции. Она не есть ещё (в силу отсутствия строгой специализации философского знания того времени) сугубо социально-философская категория. Личность как феномен гуманитарного знания всё более становилась фокусом, центром «исходящей» философии. Личность не была объектом исследования, понятие личности было философской онтогносеологической базой, оно (подобно пониманию иконы русской философской традицией) ничего (концептуально) не изображало, оно «являло». Через понятие «личность» философия нового времени штурмовала ранее неизвестные онтологические вершины, добивалась нового видения бытия, присваивала, покоряла «личностностью» само бытие.

Основатели этой философской парадигмы в отечественной философии (такие, например, как А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Л.П. Карсавин, Г.Г. Шпет)

анализируют новую субстанциональность исключительно через отражение и исследование её качеств-проявлений (у Л.П. Карсавина – «качествованиях» личности; бытие-событие, не-алиби в бытии – у М.М. Бахтина; интуиция и миф – у А.Ф. Лосева; Абсолютное бытие «Я» – у Г.Г. Шпета), но не переходят непосредственно на исследование источника этих качеств, субстанции, этими качествованиями обладающей. Указанные авторы отвечают здесь на вопрос о субстанциональности парадигмально по-новому, т. е. основным вопросом своей философии видят производный вопрос «как» (вопрос метода), тогда как традиционно для осуществления философской понятийной полноты (отражённого знания) необходимо было ответить, прежде всего, на вопрос «что». Т. е. ответить на вопрос о субстанциональной принадлежности названных качеств. В связи с этим встаёт принципиальный вопрос о том, кто есть субъект многочисленных предикатов, содержащихся в труде «Диалектика мифа» А.Ф. Лосева, в работе «К философии поступка» М.М. Бахтина, в «Философских этюдах» и «Эстетических фрагментах» Г.Г. Шпета?

Для достижения целостного понимания парадигмальной подосновы философствования того периода необходимо реконструировать философскую мысль указанных авторов именно в этом ключе, в плоскости воссоздания субстанционального *общего* на фоне многочисленного особенного. Безусловно, древнейший духовный опыт «описания мистерий» (исключительно через *описание* качеств без называния субстанционального «владельца» этих качеств) применялся авторами ука-

занных текстов не случайно. Герменевтическое же прочтение указанных текстов позволяет практически всегда угадывать «вторым рядом» понятийно, логически и методологически непротиворечивые «ссылки» на субстанциональность личности при изучении основных свойств и характеристик современным образом трактуемого бытия. Именно в связи с вышесказанным В.П. Зинченко отмечает, что «сходство размышлений о Я, о личности у П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета очевидно...» [1, с. 112]. Исследователи Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина считают, что понятие «личности» может служить идентификатором русской эпистемологической традиции, ибо оно фактически замещает в ней центральное понятие классической гносеологии – понятие субъекта познания. Оно связывает смысловую ткань этой традиции, выражая её стилистическое единство» [4, с. 25]. Согласившись с указанным обстоятельством, добавим, что уникальное понятие русской философии – понятие личности – в силу своей предельной понятийной полноты субстанционального свойства становится центральным идентификатором не только эпистемологической традиции, но и онтогносеологического модуса русской философии в целом.

Погружение в научно-философский в широком смысле слова контекст того времени, попытка применить щадящие, методологически близкие понятийным предпочтениям тех лет методы исследования – главная задача этой статьи. Превратить ушедшее в методологическое и парадигмальное прошлое философское «тогда-бытие» – в «сейчас-бытие» (с целью демонстрации

чрезвычайной мировоззренческой значимости философии указанного периода для истории мировой философии в целом) также является целью настоящей работы. Выражаясь языком М.М. Бахтина, необходимо некое замедление над объектом (исследования). Исходя из этого, философское творчество Г.Г. Шпета следует превратить из объекта в предмет исследования, «взять» его в общепhilosophическом онтогносеологическом парадигмальном контексте. «Одна из методологических проблем, стоящих перед исследователем, – пишет историк философии И.В. Павленко, – необходимость вслушаться в этот контекст, который присутствует практически у любого крупного мыслителя, попытаться проявить внутреннюю жизнь и динамику мысли. Подобный подход предоставляет автору несколько большую свободу по отношению к материалу исследования, деятельность уразумения и интерпретации, столь свойственные герменевтике, как нельзя более подходят к рассмотрению философского творчества самого Г.Г. Шпета» [3, с. 10, 11].

В истории отечественной философии Г.Г. Шпет широко известен как феноменолог, герменевтик, психолог, философ языка, чьи основные работы были посвящены философии смысла, теории и практике субъекта семиотических пространств, различным областям интерпретации знака, образа, пониманию сути индивидуального, а также абсолютного «Я» в контексте главных методологических требований феноменологии, герменевтики, а также социальной психологии.

Философия Г.Г. Шпета в последнее время привлекает значительный исследовательский интерес. Абсолютное

большинство текстов, написанных на эту тему, посвящено феноменологической, семиотической, герменевтической и психологической репрезентациям мысли философа. В нашу задачу не входит освещение этого круга проблем, так как они относятся к специальным областям гуманитарного знания и непосредственного онтогносеологического значения в понимании метафизической принадлежности учёного не имеют: «философский статус Г.Г. Шпета в восприятии исследователей его творчества сохраняет какую-то долю неуловимости и неопределенности...» [5, с. 486, 487].

Автор настоящей статьи делает попытку внести свой вклад в решение вопроса об определении философского статуса Шпета в целом.

Необходимо отметить, что активная феноменологическая позиция Шпета в философии, его безжалостная критика «до-научной» [8, с. 51] философии порой не позволяют увидеть за жёсткими формулировками гуссерлианского толка важнейший элемент его творчества, роднивший его, как ни парадоксально это прозвучит на первый взгляд, с другими представителями русской философской традиции постсоловьёвского культурного пространства. Это положенное в основу философствования представление о конкретном живом бытии и его носителе – личности, понятой Шпетом, подчеркнём, не только в философско-социальном или психологическом измерениях, но в измерении онтическом, в измерении предельных оснований конкретного «здесь-бытия».

Шпетовская концепция относится не только к герменевтической традиции, но в равной степени и к так на-

зываемой «глубинной семиотике». Зёрна этой традиции обнаруживаются в работах М.М. Бахтина, А.Ф. Loseва, П.А. Флоренского. Основная идея «глубинной семиотики» как области научного знания – в осмыслении не только языковых, но и культурных феноменов ... включая особым образом постигаемую личность» [6, с. 94, 95]. Феноменологическое открытие, сделанное Шпетом, заключалось в обнаружении им наряду с чувственным опытом и сущностного созерцания социальной интуиции; он полагал последнее фундаментом, «предустановлением» самого бытия в сознании. В связи с вышесказанным представляется, что Шпет, очевидный последователь западноевропейских философских традиций, тем не менее полагал необходимым условием своей положительной философии концепт личности, обеспечивающий уникальную целостность живого социального бытия. Но в силу ставшей в те годы традиционной апофатичности философии Шпет почти нигде впрямую не говорит о личности как о субстанциальном начале любого положительного знания. Это обстоятельство существенным образом осложняет герменевтическую дешифровку исходных исследуемых текстов, выявление заложенных в них глубинных философских смыслов. Представляется, что включение в объяснительную схему элементов философско-психолингвистической эвристики позволит нам с большей точностью произвести герменевтическое погружение в изначальные авторские интенции. Одним из опорных понятий в постижении сквозных тематических замыслов философского творчества Шпета в целом может послужить понятие *затекста*.

Напомним, что если сам текст носит линейный характер явленной смысловой очевидности, то затекст есть связь самого текста с так называемыми фоновыми знаниями, которые существуют вне этого текста и являются частью культуры. Применительно к специальной области философии затекст есть, таким образом, реальность философского бытия, описанного автором средствами выбранного им философского анализа. Затекст присутствует в авторском тексте в неявленной форме и требует для своего обнаружения пошагового герменевтического снятия явленных смыслов текста. В связи с этим представляется, что у Г.Г. Шпета (равно как, например, у М.М. Бахтина, подразумевавшего носителем онтического бытия личность [2, с. 105–116]) «затекстовая», интенциональная тема личности аналогичным образом прорывается сквозь ткань философских и герменевтических, эстетических, семиотических текстов, ломая стройную логику изложения специально-научного материала, ставя тем самым современного исследователя в тупик. Представляется, что выход из описанного исследовательского тупика нужно искать в следующем обстоятельстве творчества самого Г.Г. Шпета: все специально-научные усилия философа, коим учёный посвятил свою творческую жизнь, имели в своём протобазисе парадигмального свойства личность, «второе абсолютное» (по В. Соловьёву), фундировали всё творчество Шпета основанием личностным, понятым как субстанциональная основа специально-научных терминов – понятий, приложимых, соответственно, к логике, психологии, семиотике, а именно: понятий субъ-

екта, “Я”, лица, индивидуума. Следует иметь ввиду, что сам Шпет в отличие от многих своих современников очень внимательно относился к точности, адекватности применения указанных понятий, всякий раз чрезвычайно строго обозначая их объём, а также эвристические пределы их использования, отмечая, что в основании философии «должно быть не только *всё*, но и *каждое на своём месте*» [10, с. 531]. Таким образом, для обеспечения непротиворечивости герменевтического хода нашего исследования необходимо обратиться к использованию не только метода историко-философского анализа, но также методов смежных гуманитарных дисциплин, а именно: герменевтики, философской психологии, психолингвистики.

Обеспечивая герменевтическое погружение в творческий контекст Г.Г. Шпета, реконструирующее мысль автора «изнутри», в её максимальной логико-понятийной непротиворечивости и полноте, мы имели возможность обнаружить одну из наиболее интересных и «показательных» (с точки зрения революционного парадигмального прорыва в эпистемологии) концепций личности периода гуманитарного модернизма. Обнаружение *центрирующего концепта* позволило объединить понятийную, логическую, доказательную, методологическую, наконец, парадигмальную составляющие авторской философской концепции в единый непротиворечивый контекст. Таковым концептом шпетовской философии, как нам видится, является понятие **личности** как субстанционального единства, средоточия конкретного живого бытия. Именно **реконструируя** философский контекст

конкретных произведений автора, фундируя его на протяжении всего прочтения субстанциональным понятием личности / личностности (как основы конкретного онтического бытия), мы добиваемся принципиального «снятия» всех терминологических и доказательных «на-первый-взгляд» противоречий шпетовской философии. Гипотетическое введение вспомогательного понятия «личностность» в философский контекст (своего рода герменевтическое моделирование историко-философского текста) даёт возможность осознать неясное на первый взгляд «что» в философии Шпета (в противовес его очевидно феноменологической «как»-компоненты). Последовательное использование этого методологического приёма позволяет увидеть в шпетовской философии не только последовательную феноменологическую гуссерлианскую концепцию, не герменевтическую или социально-психологическую теории, но фундаментальную философскую систему, основанную на субстанциональном (а именно, личностном) концепте наличного бытия. Необходимо также отметить, что понятийное «реконструирование» субстанциональности (на материале трудов Г.Г. Шпета) дало положительный результат лишь потому, что субстанциональность как центробежная «заданность» авторской философской системы имплицитно содержалась в заданном философском дискурсе изначально. Она не есть нечто *привнесённое*, но лишь *обнаруженное* нами в процессе историко-философских аналитических изысканий. *Личность* как субстанциональность есть средоточие шпетовского знания о бытии вообще, понимание

собственно бытия (бытия *per se*) как живого бытия-действия, погружённого в единственно доступную нашему видению человеческую, личностную протяжённость: «Личность есть *внешность*» (курсив мой – Ю.К.) [9, с. 696].

Итак, применение к текстам Г.Г. Шпета техники фундирования его работ центрирующим понятием «личности» (как, например, в случае с ранним творчеством М.М. Бахтина [2, с. 105–116]) даёт положительный результат. Именно поэтому, казалось бы, в невозможных для понимания моментах его текстов можно усмотреть онтогносеологический смысл сказанного в русле фундирования знания понятием личности, конципированной философом в качестве личности онтической.

Очевидна понятийная и методологическая строгость трудов Шпета. Но также очевидно и то, что в его работах всегда прослеживается некая «тоска» по Абсолюту, не получающая, как, например, у В. Соловьева, выхода в религиозную область для решения своего вопроса, но и не позволяющая себе низвергнуться в пучину философии отрицательной, а именно в философию голого метода. Именно традиционное для русской философии «устремление» в конечном итоге к человеку, к личности определило вектор развития философии самого Шпета: от феноменологии – через герменевтику – к социальной психологии (недаром Шпет пишет в 1927 г. специальную работу по этнической (читай здесь «социальной») философии, подчёркивая, что «сделанное в *общей* психологии ещё далеко не нашло своего приложения в её специальных отделах, в частности, в психологии этнической» [7, с. 6]).

К этой проблематике относится ещё один системообразующий момент в творчестве Шпета – его погружение в органическую логику В. Соловьева, преобразованную им впоследствии в логику единичного объёма (так, например, в работе 1922 г. «Эстетические фрагменты» автор безапелляционно утверждает, что «искусство – единично, искусство индивидуально» [10, с. 682], проводя, таким образом, мысль о невозможности синтеза искусств). Сам Шпет в своих работах подчёркивает применение различного рода «логик» в зависимости от исследуемого объекта. Формально-логический путь слишком узок для герменевтического, символического постижения бытия, считает философ. Так, в работах, посвящённых специальным (например семиотическим) проблемам, Шпетом делается уклон на замену формальной логики новейшими материально-логическими учениями семасеологии. Но для русского философа – Шпета – долгая остановка на специальных философских вопросах невозможна. Он идёт дальше, выстраивая теорию внутренней формы, имеющей внутренние же ресурсы саморазвития. Это теоретическое обстоятельство, как нам видится, роднит эстетическую теорию Шпета с психологической теорией личности М.М. Рубинштейна и принципом творческой самодеятельности С.Л. Рубинштейна, в те же годы в иной гуманитарной плоскости отразивших идею саморазвития и принципа субъ-

ектности конкретного бытия. «Таким образом, обогащение семиотической теории понятием внутренней формы было связано с поиском семиотических инструментов в анализе форм творческого присутствия человека в языке. Глубинно-семиотический подход, основателем которого выступает Г. Шпет, ставит во главу семиотического процесса самого человека. В сосюррианской и пирсианской семиотике мир знаков априори признается внешним по отношению к личности. Шпетовская семиотика человекомерна, или “целемерна”, в его собственных терминах...» [6, с. 179].

Важным для конечных целей нашего исследования является признание современных авторитетных исследователей философии Шпета, заключающееся в том, что «к сожалению, самосвидетельств относительно своего философского статуса Г. Шпет не оставил...» [5, с. 481]. Добавим, что специальные исследования отдельных трудов Г. Шпета по вышеобозначенным дисциплинам гуманитарного знания (герменевтике, эстетике, семиотике, философии языка и даже по феноменологии) не способны решить указанной выше проблемы. Выход из создавшегося положения возможно найти, лишь обратившись к глубинной герменевтике философских смыслов онтогенезологического свойства, имплицитно, в неявленной форме, апофатически сопresentствующих в трудах Г. Шпета. Что же имеется ввиду?

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин (оппоненты или единомышленники?) // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 110–118.
2. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодоленная феноменология. Вл. Соловьев и М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 105–116.

3. Павленко И.В. Густав Шпет: философия языка и проблема семантической интерпретации ментальных феноменов: монография. Днепропетровск: Национальный горный университет, 2013. 154 с.
4. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Личность как проблема культурно-исторической эпистемологии (по материалам архива Густава Шпета) // Теории и исследования. Психология, философия. Психологические и философские проблемы развития личности. 2015. № 2. С. 24–42.
5. Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г.Г. Шпет // *Comprehensio*. Шестые Шпетовские чтения: сборник статей и материалов Международной научной конференции, Томск, 1–7 июля 2015 г. / отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Издательство Томского университета, 2015. 499 с.
6. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.
7. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 160 с.
8. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения: приложение к журналу «Вопросы философии». М.: Правда, 1989. С. 11–345.
9. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Избранные труды / сост. Л.Г. Березовая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 678–804.
10. Шпет Г.Г. Явление и смысл (Феноменология как основная наука и её проблемы) // Шпет Г.Г. Избранные труды / сост. Л.Г. Березовая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 524–677.

REFERENCES

1. Zinchenko V.P. [G.G. Shpet and M.M. Bakhtin (opponents or like-minded?).] In: *Voprosy psikhologii* [Questions of philosophy], 1999, no. 6, pp. 110–118.
2. Kolesnichenko Yu.V. [The philosophy of the individual as overcome phenomenology. Vl. Solov'yev and M.M. Bakhtin]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of philosophy], 2012, no. 1, pp. 105–116.
3. Pavlenko I.V. *Gustav Shpet: Filosofiya yazyka i problema semanticheskoi interpretatsii mental'nykh fenomenov* [Gustav Shpet: Philosophy of language and the problem of semantic interpretation of mental phenomena]. Dnepropetrovsk, National Mining University Publ., 2013. 154 p.
4. Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. [Identity as a problem of cultural-historical epistemologies (on materials of archive of Gustav Shpet)]. In: *Teorii i issledovaniya. Psikhologiya, filosofiya. Psikhologicheskie i filosofskie problemy razvitiya lichnosti* [Theories and research. Psychology, philosophy. Psychological and philosophical problems of personal development], 2015, no. 2, pp. 24–42.
5. [Phenomenological and ontological conception of G.G. Shpet and humanitarian projects of the XX–XXI centuries: G.G. Shpet]. In: *Comprehensio. Shestye Shpetovskie chteniya: sbornik statei i materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tomsk, 1–7 iyulya 2015 g.* [Comprehensio. Sixth Shpetovskie reading: collection of articles and materials of the International scientific conference, Tomsk, July 1–7, 2015]. Tomsk, Tomsk State University Press Publ., 2015. 499 p.
6. Feshchenko V.V., Koval' O.V. *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [The creation of the sign: essays on linguistic and semiotics of art]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 640 p.
7. Shpet G.G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to ethnic psychology]. Moscow, Publishing house LKI Publ., 2010. 160 p.

8. Shpet G.G. [Outline of the development of Russian philosophy]. In: *Sochineniya: prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»* [Works: Appendix to the journal “Questions of Philosophy”]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 11–345.
 9. Shpet G.G. [Aesthetic fragments]. In: *Shpet G.G. Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 678–804.
 10. Shpet G.G. [The phenomenon and meaning (Phenomenology as the fundamental science and its problems)]. In: *Shpet G.G. Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 524–677.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии Института деловых коммуникаций;
e-mail: Julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD in Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Institute of Business Communications;
e-mail: Julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Неявленная субстанциональность философии Г.Г. Шпета (часть 1) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 72-80
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-72-80

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kolesnichenko Yu.V. The Unmanifested Substantiality of G. Spet’s Philosophy (part 1). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 72-80
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-72-80